

ВЛЕЧЕНИЕ К ОБМАНУ, ИЛИ ЧЕМ ХИТРОУМНЫЙ ОДИССЕЙ ЛУЧШЕ ПРАВДИВОГО АХИЛЛЕСА

В статье анализируется античная трактовка лжи и обмана в контексте греческого спора «кто лучше?»: правдивый Ахиллес или лгущий Одиссей. Данный анализ позволяет сделать вывод о том, что при всей неоднозначности отношения к феномену лжи греческая философия рассматривала саму способность ко лжи как одну из важных душевных способностей, а влечение к обману — как проявление свободного ума.

Ключевые слова: ложь, обман, хитроумие, способность.

*«Чистая Правда со временем восторжествует!..»
Если проделает то же, что явная Ложь!*

В. Высоцкий

Споры о том «кто лучше?» — характерная черта греческой риторики. Такие споры в античности считались наилучшим способом показа своих убеждений. Вместе с тем спор — это экспериментальная лаборатория мысли, где истина рождается в борьбе, а ее утверждение осуществляется через сопротивление. Через это сопротивление, трение характеров и кипение страстей истина порой раскрывает такие опасные моменты, которые борцы за «истину» сами не ожидали.

Одним из таких споров является греческий спор о пользе и вреде обмана. В основе него лежит представление о том, что ложь может иметь относительную ценность в зависимости от мотивов и целей участвующих в обмане сторон. Геродот прямо утверждает: «Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать. Ведь лжем ли мы или говорим правду — добиваемся одной цели [выгоды]. Одни, правда, лгут, желая убедить ложью и [затем] извлечь для себя выгоду, так же как другие говорят правду, чтобы этим приобрести корысть и заслужить больше доверия. Таким образом, мы стремимся [в обоих случаях] к одной цели, только разными путями» [1, III 72].

Представление об относительном характере истины и лжи было весьма характерно для античного мира [2]. При этом *способность* к обману могла получить оправдание, а вот *склонность* к правдивости, напротив, — подвергнуться осуждению. Особенно драматично эту проблему ставит Софокл в трагедии «Филоклет». Вопрос «кто лучше?»: честный, но наивный Неоптолем, поставивший под удар троянскую операцию греков, или прагматичный Одиссей, обманом радеющий за общее дело, — становится не только вопросом о целесообразности лжи, но и вопросом о цене целомудрия. Не найдя решения в драме, Софокл в одном из фрагментов признает: «Я знаю сам, что лгать нехорошо; / Но если гибель страшную приносит / Нам слово истины — тогда, надеюсь, и нехорошее простится нам» [3, с. 399]. То же имеет в виду и Платон, когда называет ложь «полезным средством, вроде лекарства». Задав риторический

* © Разинов Ю.А., 2012

Разинов Юрий Анатольевич (razinov.u.a@gmail.com), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

вопрос: «не делаем ли мы ложь полезной, когда как можно более уподобляем ее истине», — он тут же отвечает, что ложь может быть полезной не только в отношении врагов, но и в отношении друзей [4, II 382d]. Косвенное признание лжи содержит рассуждение Аристотеля в «Никомаховой этике», где он различает ложь как *намерение* и лживость как *черту характера*. Из этого рассуждения следует, что имеющий повод ко лжи может быть и правдивым человеком в смысле душевного склада [5, IV 13, 1127a].

Оставив в стороне вопрос о целесообразности лжи, в том числе и лжи с благими намерениями (лжи «во спасение»), остановимся на таком странном феномене, как *бесцельная ложь*.

Признание Аристотелем того факта, что лгать можно «и с определенной целью и просто так» [5, IV 13, 1127a], содержит в себе определенную проблему. Контекст аристотелевского рассуждения подразумевает, что лгущий безо всякого повода тем более будет лгать, если такой повод найдется. В то же время лгущий с определенной целью не станет лгать «просто так». Целесообразная ложь для греческого философа, несомненно, должна быть лучше, так как лживость здесь *не закреплена в характере* лгущего человека в качестве порока. Иными словами, она не является характеристикой *душевного склада*. Следовательно, лгущий — не обязательно лжец по натуре.

Однако так ли уж прав Аристотель, закрепляя за ложью «просто так» статус душевного порока? Есть ли у нее какой-то существенный, но непроявленный мотив? Что такое ложь, не знающая корысти? Или сама природа лжи ее предполагает? Не странно ли это — «бескорыстная ложь»? Для решения этих вопросов обратимся к другим участникам греческого спора «кто лучше?» — Гиппию и Сократу.

В платоновском диалоге «Гиппий меньший» между софистом Гиппием и Сократом разгорается спор по поводу того, кто лучше: «простодушный» Ахиллес, который если и лжет, то делает это непреднамеренно, или «хитроумный» Одиссей, лгущий осознанно. Гиппий, симпатизирующий Ахиллесу за его «правдивость» и «прямоту», утверждает, что тот гораздо лучше «многоликого», «изворотливого» и «лицемерного» Одиссея. Сократ же, как ни странно, берется оспорить этот тезис и отстоять «абсурдную» (по мнению А.Ф. Лосева) посылку, что «сознательный лжец лучше лжеца поневоле» [4, т. 1, с. 724].

Спрашивается, почему Сократ защищает тезис, который, казалось бы, противоречит его собственным убеждениям? Ведь это ему принадлежит мысль о том, что *все ложное возникает помимо сознания и воли*. Ложь как феномен заблуждения есть «отклонение мысли, когда душа стремится к истине, но проносится мимо понимания» [4, т. 2, 228d]. Как таковая ложь не имеет онтологического основания. Она появляется в мире лишь по причине *невольного* отклонения души от истинных вещей, то есть в силу *недоразумения*. Такое отклонение не является сознательным, а тем более разумным. Следовательно, «всякая душа заблуждается во всем не по доброй воле» [4, т. 2, 228c].

Эта мысль варьируется во многих других произведениях Платона. В диалоге «Горгий» Сократ прямо заявляет, что «никто не чинит несправедливости (ἀδικία) по доброй воле, но всякий поступающий несправедливо несправедлив поневоле» [4, т. 1, 509e]. Этому соответствует другое суждение: «все, делающие постыдное и злое, делают это невольно» [4, т. 1, 345c]. В «Законах» Платон говорит об этом так: «Все дурные люди бывают дурными во всем лишь против воли» [4, т. 4, IX 860d]. Согласно сократической топике, все, что не обусловлено природой блага, не имеет отношения к «разумной части души», а все «негативное» (дурное, постыдное, несправедливое, злое и ложное) происходит из ее «неразумной части».

По какой же причине в споре с Гиппием Сократ отдает предпочтение преднамеренной лжи, причем действуя в явно софистической манере?

В своем комментарии к диалогу А.Ф. Лосев дает следующее объяснение: Сократ совершает подмену тезисов с целью запутать противника ложными аргументами и тем самым наглядно продемонстрировать вред софистики [4, т. 1, с. 724]. Иными словами, он надевает маску софиста только для того, чтобы, направив внимание по ложному следу, преследовать и бить противника его собственным оружием. Со слов Лосева, Сократ всего лишь «превосходно сыграл роль лжеца» [4, т. 1, с. 724], а, как мы уже заметили, лгать и быть лжецом – не одно и то же.

Между тем столь простое объяснение ставит перед нами новую проблему.

Даже если Сократ действительно имел мотив подурочить своего оппонента, его позиция в споре все равно остается крайне двусмысленной. Все дело в том, что *ниспровержение лжи осуществляется при помощи самой лжи*. Будь Гиппий более находчив, он схватил бы Сократа за руку, указав на то, что в борьбе с лукавством тот сам лукавит, сам уподобляется лживому Одиссею. Желая дискредитировать ложь, Сократ прибегает к ней как инструменту обоснования истины и правоты. Но тогда возникает вопрос о соответствии целей и средств. Может ли истина быть обоснована ложью? Может ли признание во лжи служить основанием для дальнейшей веры? Наконец, есть ли в обмане нечто такое, благодаря чему он становится союзником в деле разыскания истины? Такие вопросы остаются вне поля зрения диалога.

В этой связи зададимся вопросом: так ли уж абсурдна (главным образом для самого Сократа) посылка, что сознательный лжец лучше лжеца поневоле?

Прежде всего, заметим, что конструируемый Лосевым образ «правильного» Сократа не позволяет разглядеть в нем неизжитые черты софиста, а именно свойственный всякому софисту азарт свободного ума, не скованного границами понятий. Формально дело может быть представлено так, что Сократ всего лишь хочет наказать обманщика. Однако в идее наказания отсутствует идея игры¹. Наказать можно и при помощи грубой силы. Другое дело – получить удовольствие от интеллектуального и психологического состязания с сильным противником. *Обмануть обманщика* – вот бескорыстный мотив лжи, который делает ложь целью в себе.

Бесцельная ложь, ложь «просто так» есть одно из проявлений внутренней свободы индивида. Она позволяет конституировать в сознании одновременно два плана: «истинного» и «ложного», «скрытого» и «откровенного», «правильного» и «предсудительного». Духом авантюрной свободы пронизана вся «Одиссея». Увлеченный этим духом герой ходит кривыми путями вопреки прямоте божественного повеления. Как носитель авантюрного разума, Одиссей лукав и скрытен, лжив и затаен. В отличие от Ахиллеса, защищенного волшебным «бронезилетом», он действует без божественной страховки. Поэтому в вопросе: кто лучше: лживый, но креативный Одиссей или прямолинейный, но простоватый Ахиллес? – греческое сознание наметило для себя важнейшую проблему – проблему свободного и открытого действия в рамках божественного порядка. Бесстрашное прямодушие Ахиллеса, всецело обеспеченное его божественной страховкой, в каком-то отношении проигрывает лукавству Одиссея – этого античного рыцаря без страха, но с упреком.

Для греческого сознания вопрос «кто лучше?» – это вопрос о том, как сокрытое (τὸ ψεῦδος) может противостоять откровенному (ἀλήθεια). В этом противостоянии внутренняя сокровенность предприимчивого Одиссея, получает преимущество перед внешней открытостью правдивого Ахиллеса, ибо неспособность ко лжи при отсутствии чудесных гарантий истины – ахиллесова пята простодушного сознания.

С этой точки зрения симпатии к Одиссею такого человека, как Сократ, выглядят вполне обоснованными. Под «маской софиста» в первую очередь скрыта готовность,

¹ Напротив, в идее игры присутствует наказание. Можно играть в «наказание», но вряд ли можно наказать игрой.

а главное, *способность* к хитроумному маневру. Азартное желание обмануть обманщика, переиграть его на его собственной территории открывает вид на ложь как на важнейшую культурную способность, присущую любому развитому сознанию. Это значит, что сама возможность лгать с корыстной целью имеет основание в способности лгать «просто так».

Приглядевшись к сократической защите хитроумного Одиссея, мы можем увидеть те «опасные может быть», которыми чревата его экспериментальная философия.

Первое и наиболее важное из того, что Сократ побуждает признать своего собеседника: «хитроумные обманщики» таковы не «по тупости и неразумию», а «благодаря изворотливости и разуму» [4, т. 1, 365e]. Этим он с самого начала дает понять, что производство лжи предполагает наличие некоторой душевной способности – *способность ко лжи*. Более того, такая способность представляет собой особую форму мудрости (φρόνησις). Сократ прямо говорит, «что лжецы – люди способные и мудрые во лжи» [4, т. 1, 366b]. Напротив, «человек невежественный и неспособный лгать <...> не будет лжецом» [4, т. 1, 366b].

В каком отношении искусный лжец мудр? На этот вопрос Сократ не дает прямого ответа. Но очевидно, что для того, чтобы лгать, обманщик, во-первых, должен знать истину, а во-вторых, умело скрывать ее в разговоре. Если это спор, то мудрость лжеца должна заключаться в том, чтобы, опережая действия соперника, вовремя обнаружить слабые места в его и своих аргументах. Обходя подводные камни дискуссии и расставленные противником ловушки, искусный лжец должен использовать чужие промахи, чтобы вести спор в нужном направлении, во всяком случае, избегая саморазоблачения. Иначе, говорит Сократ, безыскусный невежда, «желая солгать, невольно выскажет истину» [4, т. 1, 367]. В этом смысле он утверждает, что по настоящему солгать в геометрии может лишь хороший геометр [4, т. 1, 367d-e].

Вспомним в этой связи, сколь забавно в детских книжках Н. Носова выглядел Незайка, который не умел врать об астрономии. Умение грамотно соврать, а тем более водить за нос искусленного во лжи соперника требует множества способностей: хорошую память (чтобы не запутаться в собственном лукавстве), быстроту реакции (чтобы вовремя сбить ищейку с верного следа), выдумку (чтобы всегда иметь лишний козырь в колоде). Умелый лжец – представитель креативного класса. Сумму тех качеств ума, благодаря которым становятся возможными умножение и инверсия смысла, сокрытие и маскировка реальности, удержание в сознании одновременно нескольких планов представления, мы и называем способностью ко лжи.

Способность ко лжи – *интегральная* характеристика сознания *эмансипированной* личности. Умение «держать фигу в кармане», испытывая на прочность конструкции досужих мнений, – это то, чем Сократ обладал не меньше софистов. Розыгрыш Гиппия подобен современному «троллингу», когда обманщик («тролль») коварно втягивает «жертву» в процесс защиты своих убеждений. Одним из мотивов такого рода розыгрыша является намерение обратить сознание «жертвы» в бездну ее собственной невежественности и неосновательности².

О том, что способность ко лжи есть свойство всесторонне развитого сознания, свидетельствует и то многообразие терминов, в которых греческая литература описывает образ Одиссея. Последний представлен как «многоопытный», «изворотливый», «хитроумный», «лицемерный», «лживый», «лукавый», «находчивый», «ловкий». Интегральной характеристикой этих черт в греческом языке является слово *πολύτροπος*. Это прилагательное образовано путем сложения *πολύς* (*πολύ*) со значением «много» и

² Троллинг (от англ. «ловля на наживку») – феномен современных дискуссий на интернет-форумах.

τροπός – «поворот», «оборот». Звучащее по-гречески как этически нейтральное слово, при переводе на русский язык оно нагружается негативными референциями: «изворотливый», «хитрый», «лицемерный». В результате важный слой значения, связанный с *многообразием форм действия*, в русских переводах выпадает. Гораздо точнее значение слова πολύτροπος передает прилагательное «оборотистый», которым обычно называют хитроумного и предприимчивого человека. Прежде всего слово «политроπος» отсылает к многообразию планов и смене положений и означает соответствующую им подвижность, что хорошо передают другие прилагательные – «проворный», «ловкий» (πολύμηχανος).

Олицетворением *политропии* и *полимехании* для греков был «оборотистый», «многоликий» и «хитроумный» ловкач Одиссей, который все время находился в движении, переходе и внутреннем обращении. Фигурально выражаясь, его «одиссея» есть путь духовной метаморфозы, авантюрного предприятия и околичного возвращения домой. Сама его жизнь, ставшая путешествием, есть возобновляемая инверсия и реверсия формы дома как пространства «своего». Данная топологическая семантика слова πολύτροπος оказывается скрытой при обычном, хотя и верном, переводе русским словом «хитроумный»³.

Аналогичным образом обстоит дело и с другой характеристикой Одиссея – лицемерием. Поставленные на службу этики слова «двуличие» и «лицемерие» также скрывают важнейшую для греков референцию к *многоплановости* сознания. За этическим смыслом лицемерия необходимо видеть его онтологическую подоплеку – *политропию*, понимаемую как *способность быть* во множестве ролей.

То же самое необходимо иметь в виду в характеристиках «хитрости» и «лукавства». Словом «хитрый» переводится встречающийся у Платона термин πολυμηχανος («полимеханос»), имеющий еще значение «изобретательный», «весьма умный» [6, с. 1027]. Но если взять в расчет исходное значение слова μηχανή – «сложное подвижное устройство», «механизм», то оно также отсылает к особой функциональности искусно сделанной вещи, принципом работы которой являются рычаг и вращение – одним словом, «оборотистость».

С учетом перечисленных значений «политропный» и «полимеханический» Одиссей предстает в качестве человека умного и изобретательного – хитро-умного. Само многообразие кривых путей, символом которого служит морское путешествие, требовало от него ловкого и изощренного ума. Кстати говоря, и само слово «хитрость» (например, в выражении «хитро придумано») в русском языке имеет значение «искусного», «умелого» и даже «премудрого» [7, с. 769]. Эту множественность тропов предприимчивого ума опять-таки лучше передает забытое русское слово «пестрый», «пестротный» и производное от него существительное «пестроумие» [8, с. 24–25]. Хитроумие в топологическом смысле есть пестро-умие, то есть способность следовать по сложному и замысловатому узору бытия.

Замысловатая внутримирно-хитро-устроенность самого сущего требует для своего проговаривания столь же сложноустроенной («цветистой» и «кудрявой») речи [9]. *Политропия*, таким образом, предполагает *полилогию* (πολυλογία) – то сущностное и несущественное многословие, которое порождает историческая софистика и участвующий в этом процессе Сократ.

Для него, как и для софиста, рисунком бытия становится речь. Речь является авантюрным предприятием в той мере, в какой «мысль изреченная есть ложь»

³ В русских переводах слово πολύτροπος передается разными прилагательными: чаще всего – «хитроумный», «многоликий», «лицемерный».

(Ф. Тютчев). Об этом же свидетельствуют и слова «Лао-цзы»: «Знающий не говорит, говорящий не знает» [10, с. 281]. Как всякий рисунок, рисунок речи — лишь подобие бытия. О том, какой силой искажения обладает логос, красноречиво говорит Горгий в «Похвале Елене» [11]. Это хорошо знает и Сократ, способный не только выявлять обманщика, но и обманывать сам. Более того, опытность и даже мудрость (φρόνησις) во лжи прежде всего и проявляется в умении различать истину и ложь, в самом навыке распознавания и сопротивления лжи.

Будучи феноменом расслоенного и всегда в той или иной мере экранированного бытия, ложь становится формой его овладения. Влечение к обману есть, таким образом, влечение к тому, чтобы овладеть *всей* полнотой сознания. Такое влечение присутствует в позиции Декарта, решившего обмануть «чрезвычайно могущественного и хитрого» демона-обманщика. Для того чтобы овладеть полнотой трансцендентального cogito, недостаточно одного лишь дедуктивного рассуждения: *меня обманывают, а значит, признают мое бытие, следовательно, я существую*. Такая идея в конечном счете тоже может оказаться иллюзией, внушаемой злым гением. Поэтому полнота сознания у Декарта достигается в самом намерении обмануть обманщика. Когда Декарт говорит: «...Ну и пусть обманывает меня, сколько сумеет, он все равно никогда не отнимет у меня бытие» [12, с. 21], он фактически утверждает следующее: думая, что он меня обманывает, он обманывается сам. Действуя по принципу «ты хитроват, а я узловат», Декарт одним жестом завладевает позицией самого обманщика — трансцендентальной точкой его божественного взгляда и божественной свободы.

Таким образом, можно заключить: хитроумный Одиссей «лучше» наивно-простоватого Ахиллеса как герой, искушенный опытом многослойного мира и отдающий дань многообразию модусов присутствия в нем. Не случайно все античные авторы именуют его «многоопытным». В рамках этого многообразия (политропии) всегда найдется место для чистой формы обмана — обмана «просто так», за которым в итоге стоит испытание свободой. Ни с чем не сравнимое удовольствие от обмана тем сильнее, чем больше развита в другом способность к сопротивлению лжи. Мотив испытания свободой представляется нам гораздо более существенным, нежели предложенный Лосевым мотив назидательно-дидактической беседы.

Библиографический список

1. Геродот. История: в 9 кн. / пер. и примеч. Г.А. Стратановского; общ. ред С.Л. Утченко. Л.: Наука, 1972. 600 с.
2. Васильева Т.В. Елена Прекрасная (Истина и призрак) // Историко-философский ежегодник '87. М.: Наука, 1987. С. 47–61.
3. Софокл. Драмы / пер. Ф.Ф. Зелинского. М.: Наука, 1990. 607 с.
4. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева [и др.]. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.; Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.; Т. 3. М.: Мысль, 1994. 656 с.; Т. 4. М.: Мысль, 1994. 830 с.
5. Аристотель. Соч.: в 4. Т. 4. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 53–294.
6. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / репринт 5-го изд. 1899 г. М.: Греколат. кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1371 с.
7. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 (Персть–Подмышка). М.: Наука, 1989. 288 с.

9. Разинов Ю.А. Банальная ложь обыденной речи: болтовня и красноречие // Разинов Ю.А. Метафизика кривых троп: очерки об экзистенциальной природе истины и заблуждения. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. С. 170–181.

10. Дао-Дэ цзин, Ле-цзы, Гуань-цзы: Даосские каноны / пер., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. М.: Астрель; АСТ, 2002.

11. Горгий. Похвала Елене // Ораторы Древней Греции / пер. с древнегреч. М.: Худ. лит., 1985. С. 27–31.

12. Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2 / пер. с лат. и фр.; сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. 640 с.

*Y.A. Razinov**

ATTRACTION TO LIE (DECEPTION) OR WHY CUNNING ODYSSEUS BETTER THEN TRUTHFUL ACHILLESUS

The article considers the ancient concept of lies and deception. This is done in the context of the Greek dispute, «who is better»: truthful Achillesus or cunning Odysseus. Analysis suggests that despite the ambiguity of the relationship to the phenomenon of lying, the Greek philosophers considered the very ability to lie as one of the most important mental abilities, and attraction to deception, as a phenomenon of a free mind.

Key words: lies, deceit, cunning, ability.

* *Razinov Yuriy Anatolievich* (razinov.u.a@gmail.com), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.